

Андрей Львович Ливадный

Повторная колонизация

Аннотация

Долгие годы последствия Галактической войны будут препятствовать заселению планет, где сохранились автоматические системы планетарной обороны. На зачистку подобных миров бросают смертников, из числа пленных офицеров Земного Альянса.

Глава 1.

Огромный грузовой корабль медленно приближался к стыковочному порталу космической станции.

— Борт восемьсот девятнадцать, примите на два градуса правее. — Приказ был передан по внешней

коммуникационной сети.

В рубке управления транспортом, где сдавленно попискивали сигналы, тихо шуршали вентиляторы, да еще раздавался этот настойчивый голос, корректирующий полет, ощущалась некоторая нервозность.

Хотя незримая сфера внешнего охранного периметра базы уже давно осталась позади, но два пилота, чьи ровно стриженные под машинку затылки виднелись из-за высоких мягких спинок противоперегрузочных кресел, все равно заметно нервничали. Это было видно по тому, как быстро сновали их руки по шеренгам переключателей, да один из них то и дело машинально облизывал пересохшие губы. Второй же, наоборот, нет-нет да и проводил тыльной стороной ладони по бисеринкам пота, с раздражающей регулярностью

выступавшим на лбу. Полностью погрузившись в работу, они не обменивались, как это бывало обычно, полушутливыми репликами. Оба являлись достаточно опытными навигаторами, но сюда, на «Эрадзию», они прилетели впервые, и ореол мрачной, зловещей славы этого места вкупе с совершенно непривычной, чрезвычайно жестко регламентированной процедурой сближения, никак не способствовал спокойной работе за пультами.

Вокруг, в окружающем корабль пространстве, мерно вспыхивали мрачные, кроваво-красные сигнальные огни. Они обозначали коридор безопасности, выделенный транспорту для подлета к «Эрадзии».

Внезапно первый пилот, напряженно следивший за показаниями приборов, невнятно выругался. Его уже начала

доставать эта карусель. Сплошные запрещающие знаки, какие-то охранные разметки, границы... Их бортовой компьютер уже дважды подключал аварийный автопилот, чтобы избежать рокового нарушения...

Борт станции, а вместе с ней и открывшийся портал разгрузочного дока росли удручающе медленно.

— Двести двадцать метров до касания... Двести десять... Двести... Сто девяносто... — ровный голос бортовой аудиосистемы монотонно отсчитывал цифры. Внезапно он умолк, а на несущую частоту передатчика опять влез этот чертов координатор со станции.

— Борт восемьсот девятнадцать, перейдите на ручное управление, — безапелляционно приказали по радио.

Второй из пилотов резко вскинул голову, машинально посмотрев в ту

сторону, где располагался скрытый за приборными панелями динамик связи.

— В чем дело, сэр?! — Недоумение и даже некоторую злобу в голосе пилота можно было понять — они там сидят себе спокойно, а тут выкручивайся между всеми этими запретными зонами...

— У нас возникли некоторые сомнения, — спокойно сообщил коммуникатор. — Ваш компьютер неправильно отреагировал на одну из командных последовательностей. Делайте как сказано, пилот. Не волнуйтесь, такое бывает. Однако лучше не искушать наши системы безопасности.

— О'кей. Я понял, — со вздохом ответил второй пилот.

Пока он говорил, руки первого уже легли на удобные рукоятки струйных рулей ориентации. Корабль

по-прежнему полз в пространстве, не меняя своего курса, лишь его скорость упала еще больше...

— Не психуй, Дима, прорвемся, — негромко произнес он.

«Да уж... лучше не нервировать эти чертовы лазерные турели...» — подумал второй пилот, покосившись на экран, где в прицеле включившейся навигационной системы медленно рос в размерах открывшийся стыковочный вакуум-створ грузового портала.

Гроздя автоматических лазерных пушек, провожающие космический корабль холодным взором сопряженных с ними видеокамер, действительно выглядели угрожающе, да к тому же на экранах было отчетливо видно, что они поворачиваются синхронно с движением транспорта, и это вызывало не совсем приятные ощущения...

«Не хотел бы я оказаться на месте тех, кто обретаётся тут по нескольку лет кряду...» — подумал он, заставив себя оторвать взгляд от мрачной картины нашлапигованного автоматическими охранными системами пространства.

...Наконец нос корабля вполз в огромный овальный провал. На счетчике дальногомера появились цифры с отрицательным значением, и характерный лязг сработавших электромагнитов сообщил о том, что транспорт намертво состыковался со станцией.

Оба пилота облегченно вздохнули. Переглянувшись, они без слов поняли друг друга, каждый из них подумал наверняка об одном и том же: как здорово будет Убраться отсюда и не возвращаться никогда... Ни под каким предлогом, даже за двойную оплату...

— Порядок! — раздался в коммуникаторе все тот же голос. — Никто не покидает своих рабочих отсеков. Сейчас будет произведена проверка стыковочного уплотнителя на герметичность, после чего на борт поднимется группа досмотра. Желаю удачи.

* * *

Группа досмотра состояла из двадцати человек.

Вернее, людей было только двое. Остальные оказались киборгами, причем в полном боевом оснащении.

Нос транспортного корабля, идеально подогнанный по форме к стыковочному порталу, заткнул собой отверстие вакуум-створа, словно исполинская пробка.

Герметизирующий уплотнитель по контуру портала уже надулся, и это означало, что на разгрузочной площадке появился воздух.

Двое экспедиторов из экипажа транспорта стояли в данный момент на нижней площадке подъемника, заинтересованно озираясь вокруг. Слухи об «Эрадзии» ходили всякие, начиная от баек про женщин-киборгов, которые несли тут караульную службу, и кончая ужасными, леденящими душу подробностями быта заключенных...

Вот только побывать тут удавалось немногим, а те, кто посещал эту зловещую базу, на протяжении пяти послевоенных лет кочующую от системы к системе, отчего-то предпочитали помалкивать о своих личных впечатлениях.

— Смотри-ка!.. — Один из сопровождавших груз людей толкнул

второго локтем. — Да это же действительно бабы!

Он не ошибся. Высокие, молчаливые фигуры в серой, камуфлированной черными разводами броне, которые в сопровождении двух офицеров станции появились на разгрузочной площадке стыковочного портала, на самом деле являлись представительницами женского пола. Однако их лица, несмотря на разницу черт, казались удручающе-одинаковыми из-за полного отсутствия какой-либо мимики или иного проявления эмоций.

Они были *каменными*, вот, наверное, самое точное определение.

— Это киборги... — сдавленным голосом ответил второй экспедитор своему товарищу. — Охрана...

— А ничего девочки, да? — ухмыльнулся первый.

Второй экспедитор стоял на краю

площадки, провожая настороженным взглядом двух офицеров со станции, которые прошли мимо, едва удостоив коротким снисходительным кивком оторопевших гражданских. Заслышав слова товарища, он метнул обеспокоенный взгляд на киборгов и предостерегающе обернулся:

— Паша, не вздумай, брось ты свои дурацкие шуточки, озабоченный!..

Однако он опоздал со своим предупреждением. Тот, кого звали Павлом, действительно выглядел как заправский ловелас и, как видно, даже не думал упускать сомнительного, с точки зрения товарища, шанса.

— Эй, красавица!.. — заигрывающим тоном обратился он к ближайшей из молчаливых фигур, как только офицеры миновали порог шлюза. — Как насчет ужина при свечах, детка? — развязно предложил он.

Пока он произносил эти слова, закованные в броню фигуры уже втянулись в шлюз корабля, но последняя, услышав звуки человеческой речи, остановилась. Ее лицо, которое в иных условиях действительно можно было бы назвать миловидным, совершенно не изменилось, но то, как эта «красавица» повернула голову, одним резким, совершенно законченным движением, сразу не понравилось незадачливому ухажеру... однако отступать уже было поздно.

— Ну-ну, детка, ты что? — Он поймал ледяной взгляд ее глаз, увидел, как рука киборга скинула предохранитель штурмовой импульсной винтовки, и попятился. — Я же пошутил, дура! — оторопело произнес он, отступив на всякий случай еще чуть-чуть.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, когда импульсная винтовка вдруг резко пошла вверх и остановилась, уставившись черным зрачком электромагнитного компенсатора в грудь оторопевшего экспедитора.

— Соблюдать дистанцию, урод! — ровным, ничего не выражающим голосом произнесла она. — Три метра от конвоя. Двигаться в затылок. Огонь открываю без предупреждения.

У экспедитора ослабли ноги. Его товарищ поспешно отступил к ограждению грузового подъемника.

В этот момент в шлюзе корабля показался офицер со станции.

— Эй, где вы там застряли? — раздраженно осведомился он, но, заметив происходящее на площадке подъемника, вдруг изменился в лице и рявкнул:

— Ноль—семнадцать, отставить!

Женщина-киборг послушно опустила оружие. Ее лицо по-прежнему не выражало абсолютно никаких эмоций. Большой палец правой руки вернул на место рычажок предохранителя.

Офицер посмотрел на бледных, перепуганных мужчин и вдруг от души расхохотался, наполнив гулкое помещение грузового портала хриплыми звуками, которые скорее можно было принять за карканье, чем за добродушный смех.

— Заходите, они вас не тронут! — отсмеявшись, приказал он.

Когда оба сопровождающих груз служащих оказались подле него, он строго посмотрел на них.

— Запомните, здесь вам не обычная космическая станция, — уже безо всякого намека на юмор прокомментировал он. — Здесь тюрьма. Особо охраняемая тюрьма. А

эти леди не секс—рабыни, а настоящие боевые киборги. Усекли?

Оба экспедитора поспешно кивнули.

— Вот и чудно. А теперь давайте за работу.

Он отвернулся, глядя на первый контейнер, который выезжал из чрева транспортного корабля по ленте транспортера. Контейнер больше походил на хорошо упакованный гроб-холодильник. На его полупрозрачной крышке, покрытой изнутри толстым слоем инея, помаргивало несколько зеленых индикаторов и четко выделялись выпуклости букв, складывающиеся в два, уже достаточно хорошо известных на всех обитаемых планетах слова, обозначающих название фирмы — изготовителя того, что было заключено в этой капсуле: «Галактические Киберсистемы».

И чуть ниже, более мелким шрифтом:

«Внимание! Опасный груз! Хранение без присмотра не более десяти часов. При первой реактивации проверь микропереключатели боевых режимов»

— О, пополнение... —
удовлетворенно произнес офицер, посмотрев на крышку. — В девятый грузовой лифт!

Двое киборгов подняли тяжеленный ящик и, не напрягаясь, понесли его к подъемнику.

Из чрева транспорта уже выползал следующий.

— Так, это, похоже, наш пациент. —
Офицер повернулся и вдруг зло, недоброжелательно посмотрел на двух экспедиторов. — Ну что застыли? Кто будет сдавать заключенных? Где декларация бортового груза?

Тот из членов экипажа, кто

попытался минуту назад заигрывать с киборгом, поспешно выудил электронный планшет.

— Вот, сэр... — Он мельком взглянул на крышку криогенного гроба и затараторил:

— Заключенный КХ-157, Олег Лепетов, гражданство Земли, возраст — тридцать четыре года. Груз сдан, показания систем жизнеобеспечения в норме. Подпишите, сэр!

Офицер подошел к транспортной криогенной камере, взглянул на показания приборов и кивнул.

— Седьмой грузовой лифт. В реанимационную!

* * *

Они увидели свет практически одновременно.

В двух разных помещениях станции

были вскрыты в этот момент два низкотемпературных саркофага.

В первом из них лежала женщина-киборг.

Пожилой седоусый техник, из немногочисленного людского персонала «Эрадзии», привычными, профессиональными и совершенно равнодушными движениями прилепил к нагому, покрытому бисеринками желеобразного раствора телу несколько датчиков, взглянул на их показания, покачал головой и произнес себе под нос:

— Совсем они там рехнулись, что ли? Гонят всякий утиль... — Он еще раз с сомнением глянул на не понравившиеся ему данные, потом вздохнул, махнул рукой и воткнул в разъем на черепной коробке киборга компьютерный кабель, соединенный с одним из установленных в помещении

терминалов.

На мониторе промелькнули коды тестирования. Два теста из пятнадцати оказались провалены. Техник, который в ожидании окончания процесса курил, присев на край низкотемпературного гроба, покосился на результаты проверки, в сердцах сплюнул на далекий от понятия «стерильность» пол и отжал клавишу вмонтированного в терминал устройства связи.

— Лейтенанта Гордона... — отрывисто бросил он, склонясь к сеточке микрофона.

— Ну? — спустя десять или пятнадцать секунд ответил динамик переговорного устройства.

— Джон, у меня проблемы с номером пятнадцать. Да, эта из сегодняшней партии. Тест провален по двум позициям. Будем оформлять рекламацию?

На той стороне связи раздалось недовольное сопение.

— А что за позиции? — наконец переспросил старший техник.

— Вторая и девятая. Они там на заводе опять принялись лепить какую-то херню.

— Слушай, да это же ерунда... — В динамике было слышно, как лейтенант технической службы щелкает клавиатурой, просматривая листы электронной спецификации. — Ассоциативное мышление и долгосрочная память псевдоличности... мы же не включаем эти функции, у нас тюрьма, а не бордель, забыл?

— Ну и что мне делать?

— Да запускай ты ее, на нас и так представители «Киберсистем» уже две телеги накатали. А будет глючить — спишем. Не ты ведь платишь... В первый раз, что ли?

Сержант нахмурился, отчего на его лбу обозначились вертикальные морщины.

— Ладно, уговорил, — наконец согласился он, безнадежно взмахнув рукой. — С тебя вечером три пива, Гордон... — Техник отпустил клавишу и повернулся к киборгу.

Пожевав пустыми губами, он некоторое время с сомнением рассматривал ее, а потом произнес, обращаясь к неподвижному телу:

— Ну что, красотка, будем просыпаться или как?

Та, к кому он обращался, не могла ничего ответить. Она лежала на своем жестком ложе, холодная и безучастная, словно кусок льда.

Пальцы техника легли на сенсорную клавиатуру.

«Загрузка функций серводвигательных систем» — набрал

он в командной строке и добавил несколько цифр.

На пустом экране монитора заморгал короткий ответ системы:

«Активация. Ждите».

* * *

Двумя этажами выше в тюремном медицинском блоке молодой врач склонился над нагим мужчиной, который лежал на жестком реанимационном одре, подключенный к обступавшим его со всех сторон приборам.

Раздвинув плотно смеженные веки пациента, врач посветил ему в глаз маленьким фонариком, дождался реакции зрачка на свет и удовлетворенно разогнулся.

Через несколько минут он внесет в компьютер станции новую учетную

запись:

«Лепетов Олег Владимирович,
КХ-157. Успешно реанимирован».

* * *

Эта самая первая ночь на борту «Эрадзии» запомнилась Олегу смутно, но от того, что окружающая обстановка воспринималась урывками, она не стала менее гнетущей.

Сама станция ни изнутри, ни снаружи не могла похвастать интерьером и удобствами. Скорее, наоборот, тут, словно в издевку над будущими обитателями, вообще отсутствовало понятие «комфорт». Орбитальная база являлась не чем иным, как наспех переоборудованным под содержание людей старым межзвездным складом, которые в изобилии разбросала по всем

МЫСЛИМЫМ ТОЧКАМ КОСМОСА ЕДВА закончившаяся война.

Главное помещение «Эрадзии», или, как его называли сами заключенные, — «холл», представляло собой квадратный колодец. По отвесным стенам колодца тянулись пятнадцать узких решетчатых балконов, соразмерно количеству ярусов, по периметру которых располагались камеры для заключенных.

Все они были «одиночками», но данный факт быстро находил свое объяснение: клетки, размером два метра на метр, являлись стандартными грузовыми ячейками, по размеру обычного контейнера, и их оборудовали под камеры весьма незатейливым способом: просто приварили на петлях скрипучие двери из толстых металлических прутьев. И не вырвешься, и охране наблюдать

удобно, нутро каждой камеры как на ладони, за исключением четырех «аппендиксов» на каждом из ярусов, которые представляли собой узкое продолжение балкона, вдающееся в переборку и оканчивающееся люком в человеческий рост, ведущим в иные помещения станции.

Олегу досталась зарешеченная клетушка, дверь которой как раз находилась в стене такого узкого тамбура. Хорошо это или нет, но он был лишен возможности созерцать квадратную шахту «холла» и мог только слышать, что происходит вокруг. Для того чтобы еще и видеть, как он убедился несколько позже, нужно было встать, прижаться щекой к холодным ржавым прутьям решетки, и только тогда можно было разглядеть кусок сварного балкона и несколько расположенных напротив камер этого

же яруса.

Нетрудно догадаться, что в ту, первую ночь, когда Лепетова едва живого после реанимации внесли в тесную конуру и швырнули на жесткий пластиковый топчан с вонючей кучей тряпья в изголовье, ему было не До экспериментов с дверью. Единственное, на что хватило сил у Олега, — это столкнуть на пол сомнительную, дурно пахнущую ветошь. Затем он вытянулся на Жестком топчане и застыл, словно мумия, хотя внутри все сотрясалось от холода и запоздалой боли...

Ночь казалась кошмарной и бесконечной.

Олег лежал в синеватом сумраке (такое освещение создавали несколько дежурных ламп, укрепленных под сводами квадратного колодца) и мучительно сотрясался от внутреннего

холода, вызванного скверным выходом из состояния низкотемпературного сна. Он непроизвольно слушал тишину, в которой звучало монотонное эхо шагов, да изредка раздавались едва слышные голоса.

Шаги очевидно принадлежали патрулировавшим балконы киборгам. Их звук был четким, ритмичным. Каждая из пятнадцати балюстрад в точности повторяла предыдущую и была сварена из листов рифленого листового железа сантиметровой толщины. Шаги на таком покрытии вызвали гулкий, вибрирующий звук.

Сознание Олега то проваливалось в зыбкую пучину дремы, то опять прояснялось, когда очередной приступ внутреннего озноба начинал слишком сильно терзать его плоть.

Если разбираться беспристрастно, то он не очень хорошо понимал, куда его

занесла злая, капризная судьба. Единственное, что осознавал Лепетов, — это то, что он находится в заключении, но он не знал ни местоположения тюрьмы, ни каких-то ее особенностей, а вывод насчет киборгов пришел сам собой — когда его несли в камеру, он на несколько минут очнулся и успел разглядеть неживые, застывшие, будто маска, черты лица следовавшего поодаль охранника.

То, что у конвоира было лицо женщины, несколько не затронуло Олега. За время войны он повидал немало разных моделей машин, в том числе и биологических. Киборг, он и есть киборг — у него просто не может быть ни признаков половой принадлежности, ни каких-то иных отличий. Машина. А какую личину натянули на этот кибернетический

механизм, роли не играло.

В ту ночь Олег действительно не размышлял над своей судьбой, кинувшей его неизвестно куда в качестве заключенного, — на это не было сил, ни физических, ни моральных. Мысли казались рваными, больными, как и тело, содрогающееся от холода, покрытое липким потом и удушенное постоянными спазмами, стремящимися вывернуть наизнанку пустой желудок.

Единственно, что получалось у него совершенно непроизвольно, — это слушать.

В какие-то моменты ему даже удавалось отрешиться от своих мерзостных ощущений и сосредоточиться на звуках.

Шаги, которые слышались четче других, медленно двигались в его сторону. Интервал между ними был

равномерный. Звук все усиливался, пока на дверь его камеры не напозла смутная тень. Еще секунда, и в поле зрения Олега появился охранник.

Им действительно оказался киборг с застывшими чертами миловидного женского лица. В остальном эта машина не отличалась оригинальностью: тело заковано в камуфлированную броню, ремень импульсной винтовки перекинут через плечо, на запястье правой руки петля с болтающейся резиновой дубинкой.

Киборг дошел до тупика, остановился, повернулся на каблуках и, не сбиваясь с ритма шагов, двинулся обратно.

Шаги слышались все глуше и глуше, из чего Олег чисто машинально сделал вывод — охранников на каждом балконе всего двое.